

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Относительно риска социальное знание проявляется как на уровне теоретических моделей и конструкций, так и на уровне экспертизы и эксперимента. Одновременно социальное знание может выступать как механизм регулирования, включая рациональность как принцип социальных отношений, что выражается в артикуляции духовных ценностей, способности принимать решения, делать выбор в соответствии с позитивными приоритетами.

Ключевые слова: социальное знание, риск, общество риска.

Щодо ризику соціальне знання проявляє себе як на рівні теоретичних моделей і конструкцій, так і на рівні експертизи й експерименту. Разом із тим соціальне знання може виступати як механізм регулювання, включаючи раціональність як принцип соціальних відносин, що виражається в артикулюванні духовних цінностей, здатності приймати рішення, здійснювати вибір відповідно до позитивних пріоритетів.

Ключові слова: соціальне знання, ризик, суспільство ризику.

As for the risk the social knowledge can be the theoretical model and design as well as the examination and experiment. Besides this, the social knowledge can be as a regulatory mechanism including the rationality as a principle of social relations, that can be expressed as the articulating the spiritual values, the ability of making decisions, the ability of making different choices according to the positive priorities. Thereby, the social knowledge activates the role of the social subject in the space of the risky situations.

The keywords: social knowledge, risk, society of risk.

За последние десятилетия объем литературы по проблемам риска вырос многократно. И если до недавнего времени понятие риска представляло интерес главным образом для теории решений математического типа (приложение в области экономики, страхования), то на современном этапе развития общества социальное знание включает в себя проблематику риска как приоритетную. Это отмечается в работах Н. Лумана, У. Бека, Г. Бехмана и целого ряда других ученых. Такое интенсивное обращение к проблематике риска, проходящее через многие научные дисциплины, которые составляют поле смысла (сферу влияния и повседневной заботы) социального знания, отвечает запросам актуальных направлений научных исследований социальных процессов, где риск выступает индикатором и раскрывает особый, практический смысл взаимоотношений людей в период глобализации. На уровне социально-философских исследований можно утверждать, что в настоящее время производство материальных ценностей продуцирует рисковые ситуации, в связи с чем возрастает необходимость изучения и классификации их последствий.

Общие вопросы теории и методологии изучения риска разрабатывали такие

авторы, как У. Бек, Э. Гидденс, В. Вилдавски, К. Дейк, Мэри Дуглас, в трудах которых нашли отражение представления о сущности риска как явления, а также рассмотрены гипотезы об эволюции риска. В украинской и российской социологии и социальной философии изучением данных вопросов активно занимаются Л. Бевзенко, В. Гришаев, О. Приятельчук, Е. Хлобыстов, О. Яницкий, В. Ядов. В серьезной работе «Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика» коллективом специалистов из МЧС России, занимающихся управлением риском, и исследователями из Академии наук рассматриваются новые подходы, идеи, методы, которые могут быть полезны в сфере управления риском. Также своевременно будет отметить, что проблема риска отражена и в законодательстве большинства государств. В Украине достаточно обширная база законодательных и нормативных документов, посвященных обеспечению безопасности в различных сферах производственной деятельности, культуры эксплуатации промышленных и энергетических объектов. Так, например, 22 января 2014 г. вышло Распоряжение Кабинета Министров № 37-р «Про схвалення Концепції управління ризиками виникнення надзвичайних ситуацій техногенного та природного характеру», в которой, помимо прочего, сказано, что «ризик, значення якого більше гранично допустимого, вважається абсолютно неприйнятним» [9]

Цель данной статьи – показать, что относительно риска социальное знание проявляет себя на уровне теоретических моделей и конструкций, норм культуры безопасности в практической деятельности, а также на уровне экспертизы и эксперимента. Вместе с тем социальное знание может выступать как механизм регулирования, включая рациональность как принцип социальных отношений, выражающийся в артикулировании духовных ценностей, способности принимать решения, осуществлять выбор в соответствии с позитивными приоритетами.

Как отмечает управляющий миллиардными портфелями частных и институциональных инвесторов Питер Бернстайн, современная концептуальная организация представлений о риске базируется на индо-арабской системе счисления. А все началось с игры. «С самого начала писаной истории игра, эта квинтэссенция риска, была популярным развлечением, а частенько и пагубным пристрастием многих людей. Именно загадки азартной игры, а не глобальные вопросы о природе капитализма или проникновении в тайны грядущего подвигли Паскаля и Ферма на революционный прорыв в сферу вероятностных закономерностей. До этого момента на протяжении всей истории люди заключали пари и играли в азартные игры, не используя известной нам системы оценки шансов выигрыша или проигрыша. Выбор стратегии игры носил исключительно интуитивный характер и не направлялся никакими предписаниями теории» [3, с. 29].

Помимо П. Бернстайна, предлагающего, впрочем не без элегантности, воспринимать социальную действительность как продолжение игры, проблематика риска разрабатывалась экономистами, инженерами, юристами,

психологами. Но социологи в качестве предмета исследования открыли ее для себя сравнительно поздно (Г. Бехман [4, с. 28]). Сегодня в фокусе внимания социального знания находится не просто достаточно важная проблема как для общества в целом, так и для деятельности социального субъекта в частности. Легкомыслие непричастности, равно как спокойствие наблюдателей, сегодня недопустимая роскошь. Перефразируя слова отечественного ученого Е. Хлобыстова о том, что безопасность и атомная энергетика сочетаются плохо [11], можно сказать, что рулетка и техногенные риски, покер и риск политического дефолта не сочетаются совсем. Справедливо замечает немецкий ученый Ульрих Бек: «Страх определяет чувство жизни. Ценность безопасности вытесняет ценность равенства. Это ведет к усилению закона, к видимому разумному тоталитаризму защиты от безопасности» [7, с. 11].

Необходимо отметить: в работах представителей различных областей знания, на наш взгляд, до сих пор отсутствует единое понимание риска, нет единой методологии, селекции групп и факторов риска. Отсутствует концептуальное разъяснение скрытых за конкретной социальной ситуацией процессов, попадающих под квалификацию «ситуация риска», которая включается в предметное поле социальной философии через актуализацию категорий возможного и действительного, необходимого и случайного. Трудности определения риска обычно связывают с их разнообразием. Но как справедливо отмечают украинские исследователи А. Приятельчук и О. Ищенко, «сутність проблеми не у знаходженні гармонійного або найкращого визначення поняття „ризик“, а швидше у характеристиці розвитку феномену „ризик“, у з'ясуванні сенсу та ролі останнього для буття сучасного суспільства» [8, с. 24].

Теоретический анализ общественных изменений как особый вид построения концепций в социальной философии основывает свою рефлексию на определенных признаках уже существующего общества.

Следует отметить, что социальное знание и общая теория социума конституируют себя одновременно и как рефлексия прошлого, и как анализ настоящего. Понятие риска в современной социальной философии – это не только научные конструкты, оно является одновременно выражением осознания фактических проблем социальных процессов, продиктованных современным состоянием всех сфер современного общества. В проблематике риска сегодня отражаются основные задачи и опыт высшей стадии постиндустриального и во многих областях буквально пропитанного наукой и высокими информационными технологиями общества. Этот факт можно рассматривать как индикатор отношения информационного общества в процессе глобализации к продуктам научно-технического прогресса и связанными с ними опасностями и на основании этого вести критику научно-технической цивилизации.

С точки зрения удобства разворачивания поля смысла социального знания для последующего анализа в его рамках общества риска весьма интересной представляется работа В. Гришаева «Риск и общество. (Дискуссия о понятии риска

и библиография)» [6]. Сделанная В. Гришаевым грамотная подборка основных теорий риска и общества риска, представленных в концепциях У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана и других авторитетных исследователей, в рамках данной статьи дает возможность значительно упростить гносеологическую процедуру, наполняющую социальное знание содержанием. Интерпретация социального знания через анализ общества риска неотделима от понимания процедур получения нового знания, выявления «скрытых смыслов», а также от реализации знаниевого потенциала в стратегию действий, поведенческих стереотипов и коммуникативных практик. Ведь в структуре социального знания значительное место занимает отражение наиболее общих, сущностных состояний социума, заключенных в систему абстракций. Это та гносеологическая проекция, которая связана с открытием закономерностей общественного развития и их функционирования. Также при анализе общества риска необходимо принять во внимание, что в социальном знании субъективное измерение присутствует в большей степени, чем в других видах знания (техническом или естественном). Составляя представление о самих себе, обществе, люди суммируют это в весьма оригинальных формах. То, что воплощается в конфигурации их бытования, воплощается в опыт, создающий жизненный мир субъекта в условиях общества риска.

Важной характеристикой процесса модернизации является стремительный переход от одного типа общества к другому. Немецкий исследователь У. Бек отмечает: «Как в XX веке модернизация привела к распаду закосневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации» [6].

Современное социальное знание диктует изменение установок в социальном производстве, прежде всего в производстве новых моделей социального взаимодействия. Модернизация, по мнению У. Бека, становится «политически рефлексивна», то есть оказывает влияние на политические институты и социальные процессы. Растущая сайентизация приводит к изменению логики социального производства. Суть изменения состоит в том, что «логика производства богатства» сегодня уступает «логике производства риска» [6]. Общество модерна превратилось в «общество риска».

В социально-философских теориях риск отождествляется с опасностью и определяется как мера опасности. Риск интерпретируется как продукт измерения ожидаемого ущерба и предполагаемой вероятности его появления.

В социальном знании дефиниции риска проясняются в связи с осмыслением процессов, характеризующихся нестабильностью и ненадежностью, отсутствием устойчивости и прогнозируемой результативности.

У. Бек к описанию понятия «риск» подходит постепенно, уклоняясь от категорических утверждений. Важнейший тезис книги «Общество риска»: создание новых технологий ведет к производству новых технологических (прежде

всего индустриальных) рисков. Социальный контекст общества риска в этом случае рассматривается как среда, которая реагирует на последствия технологических рисков (загрязнения, промышленные аварии). При этом У. Бек отмечает значимые социальные особенности риска: во-первых, риск всегда создается в социальной системе; во-вторых, объем риска является функцией качества социальных отношений и процессов; и третье, степень риска зависит от экспертов и экспертного знания [1, с. 22–24].

Проблема риска непосредственно связана со стремительной индустриализацией, с одной стороны, и с непредвидимыми (негативными) последствиями модернизации, с другой. Неслучайно У. Бек проводит аналогию – производство и распределение богатства в индустриальном обществе сменяется производством и распределением риска в современном обществе риска. Из этой логики следует попытка дать дифиницию риску как относительно самостоятельному и устоявшемуся явлению современного социума. Риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. Изменение логики социального производства влечет за собой изменение логики социального познания и конструирования особых направлений в социальной философии, в первую очередь в аксиологии, где одно из центральных мест занимают принципы безопасности, предупреждения необратимо негативных и разрушительных для общества процессов.

Производство рисков возникает во всех сферах жизнедеятельности общества – экономической, политической, социальной. Следовательно, производство риска ведет за собой и следующие фазы: распространение риска и потребление риска.

Очевидно, что конечная фаза – потребление риска, одновременно ведет и к накоплению риска, росту «массы» риска. При потреблении происходит не поглощение риска, а его аккумуляция. Критическая «масса» риска растет. Риск становится растущим моментом социального производства [6]. И поэтому он вынуждает ученых, работающих в поле социальной проблематики и общество в целом, соотносить и оценивать результаты производства и его скрытые побочные эффекты. Неизвестные и непреднамеренные последствия становятся доминантной силой в истории и обществе.

Концентрация рисков ведет к так называемому «эффекту бумеранга» риска, то есть к универсализации и глобализации рисков, которые разрушают классовые и национальные границы. «Эффект бумеранга» рождает обратную связь, и потребление риска является одновременно и началом его производства.

Риски, согласно концепции «общества риска» У. Бека, преодолевают границы государств и получают глобальное значение. Универсальные для всех обществ опасности сопровождают постиндустриальное социальное производство, в какой бы стране оно не находилось. «Эффект бумеранга» разрывает границы национальных государств. Техногенные катастрофы и промышленные аварии отражаются не только на состоянии экологической среды данной страны, но также

и соседних стран. Последствия подобных катастроф сказываются в экономической сфере, как правило, двояким образом: катастрофа уменьшает ресурсы страны и перетягивает их значительный объем на ликвидацию последствий. Но несмотря на это, как утверждает У. Бек, «современность, вносящая неопределенность во все уголки бытия, обретает свой контрпринцип в некоем социальном договоре против порождаемых индустриальной системой опасностей и ущерба – договоре, складывающемся из общественных и частных страховых отношений» [2, с. 164]. Общее согласие, которого можно добиться здесь, всегда останется неустойчивым и нуждающимся в постоянном пересмотре, но именно поэтому такой договор составляет внутреннюю «социальную логику» общего согласия на прогресс.

В социальной сфере риски преобразуют социальную структуру. Общество риска не может быть представлено в категориях классового общества, сегодня эти категории приобретают относительный характер. Риски уравнивают тех, кто к ним причастен. И в этом смысле, делает вывод У. Бек, общества риска не являются классовыми обществами [6].

Развитие современных обществ, выраженное в абстрактных системах современности (информация, денежные системы), создало обширные сферы относительной безопасности для непрерывного течения повседневной жизни, более безопасные, чем в любом из прошлых типов общества. Однако при этом глобализация интенсифицирует процессы социального производства. Возрастает сложность социальных систем и их соотношений. Британский ученый Э. Гидденс отмечает увеличение числа непреднамеренных последствий социальных действий. Сегодня человек окружен рисками, идущими от технологических и социальных систем, с которыми он с трудом справляется сам. Угрожающие риски выходят из-под контроля не только индивидов, но и огромных организаций, включая государства. Неизбежность такой ситуации ставит под угрозу самое существование человека. В причины, ведущие к риску, вплетается субъективный фактор – морально-этическое несовершенство индивида и социума.

Пассивность, бездействие, несвоевременное принятие решений или отказ его принять могут увеличивать степени риска. Э. Гидденс полагает, что доверие должно пониматься в сочетании с риском, где риск становится результатом решений и деятельности индивида [5, с. 121]. Социальное действие возникает в результате принятия решения, которое основывается на доверии к социальной системе. В противном случае отсутствие предсказуемости действия и отсутствие доверия разрушает основу для социального взаимодействия.

Риск часто предполагает наличие в социально опосредованной ситуации устойчивую двухстороннюю духовную социальную коммуникацию, к которой, в частности, относятся отношения доверия, заботы, ответственности, дисциплины. Доверие как особый духовный фактор, воссоединяющий людей в их социальной активности, у Э. Гидденса трактуется как необходимое условие для снижения или минимизации риска. Там, где есть доверие, там хотя бы потенциально существуют альтернативы действия. Там, где альтернативы действия не принимаются во

внимание, там индивид находится в ситуации уверенности. Если в ситуации уверенности индивид реагирует на обвинения других, то в ситуации доверия происходит принятие части вины на себя. «Различение между доверием и уверенностью зависит от возможности фрустрации вследствие собственного предыдущего поведения, и от различия между риском и опасностью», – уточняет, Э. Гидденс [6]. Большинство случайностей, воздействующих на деятельность людей, по мнению Э. Гидденса, созданы ими самими, чем просто данные Богом или природой.

«Факт признания наличия риска в самых разных формах человеческой деятельности рядовыми гражданами – главный аспект отличия уровня развития социального знания современного общества», – отмечает Э. Гидденс. Он обращает внимание на то, что в традиционных культурах рискогенная деятельность чаще осуществляется под покровительством религии или магии (рок, фатализм). В этом случае риск принимает форму неопределенности или божественного предопределения деятельности, и таким образом риск не признается. В современных обществах возникает признание существования риска широкой общественностью [5, с. 108–109].

И наконец, Э. Гидденс разворачивает проблему экспертизы. Обыденное знание современных сред риска ведет к признанию ограниченности экспертного социального знания. Вера, которая поддерживает доверие в экспертные системы, включает процесс «разблокировки невежества» рядовых граждан, которые поначалу подчиняются требованиям экспертизы. Однако осознание этого невежества, в свою очередь, может ослабить веру в эффективности экспертизы части обывателей.

Эксперты различных сфер социального знания часто скрывают от рядовых граждан истинную природу риска или даже его существование. Ситуация становится много опаснее, если эксперты не в состоянии осознать и оценить степень рисков. В этом случае не только ограничения или ошибки экспертного знания, но сама идея экспертизы, по мнению Э. Гидденса, подвергается глубокому сомнению.

Важные аспекты связи риска с потенциалом социального знания, с отношением риска и рационального обозначает немецкий ученый Н. Луман. Он утверждает, что понятие «риска» ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека [6].

Для современного социального знания важно, что неопределенность дефиниции риска имеет не только научные, но и политические последствия. В научной сфере такая неопределенность способствует углубленному анализу этого явления. Однако, с одной стороны, четкость и однозначность в дефинициях обычно ведет к падению исследовательского интереса к предмету, а с другой, – к снижению общественного внимания к проблеме. Социальное знание обозначает и изучает новые грани риска. На первый план выходит анализ последствий трех типов систем, производящих риски в современном обществе – социальные,

технологически, естественные. Но действия в этом направлении, как отмечает Н. Луман, «в настоящее время, происходят скорее неотрефлексировано; я имею в виду, что социология не рефлексует свою роль. Ибо она знает, что подвергаются отбору, то почему и как она сама тогда делает это?» То есть, само социальное знание в какой-то степени участвует в процессе производства рисков. «Теоретическая рефлексия удовлетворительного уровня должна бы распознать, по меньшей мере „аутологическую” компоненту, которая выступает всегда, когда наблюдатели наблюдают наблюдателей», – пишет Н. Луман [6]. Добытое социальным знанием представление о социальной обусловленности всякого переживания и действия относится и к ней самой. «Она не может наблюдать общество извне, она оперирует в обществе; и именно она-то и должна была бы это знать», – уточняет исследователь [6].

В настоящее время важный вопрос, который ставится социальным знанием, заключается в том, как минимизировать негативные последствия и избежать опасности. Важно указать на то, что риск приобретает статус социально-политической категории. Вместе с чем происходит политизация риска, которая принимает черты некоего процесса, отрывающегося от связанных с риском опасностей, где риск начинает существовать автономно. В этом случае всякая оценка риска привязана к контексту. Но как только риск просчитан, обсуждение переносится с темы риска на тему последствий принятия решений. Такой перенос подвержен не только иному риску – риску переоценки или недооценки риска, но часто и искажениям и трансформациям источников риска. Смоделировать будущее с помощью калькуляции риска вряд ли возможно. Однако это не исключает возможность снизить неопределенность принятия решений в настоящем.

Среди экспертов социального научного знания и рядовых граждан часто возникают разногласия об уровне риска в различных видах деятельности. Это приводит к ситуации взаимного недоверия: эксперты указывают на непонимание и недостаточную информированность общественности о риске, тогда как общественность замечает, что эксперты делают выводы о риске, опираясь лишь на лабораторные исследования либо выражая субъективные мнения. То есть противоречия основываются на разных перспективах восприятия риска.

Один из способов регуляции риска, который должен включать в себя потенциал социального знания, состоит в изменении параметров каждого из элементов цепи риска. Риск существует одновременно с опасностями, процессами их проявления и эффектами. Люди, признавая риск, должны признавать величину и неравенство распределения последствий. Снижение риска зависит от модификации элементов.

Другой способ, который минимизирует риск, – это изменение поведения людей. Такая модификация возможна путем поощрения выбора более безопасных или новых альтернатив действия.

Итак, социальное знание расширяет касающийся проблем риска

категориальный аппарат, вводя в научный потенциал такие понятия, как «опасность», «забота», «неопределенность», при этом артикулируя значение тех категорий, которые отражают особенности всеобщей связи и развития социальных процессов. В том числе таких, как необходимость и случайность, возможность и действительность.

Особенность социального знания в накоплении информации о риске состоит в том, что оно обозначает устойчивые факторы духовной коммуникации, к которым, в частности, относятся уверенность, ответственность, доверие, долженствование, без которых невозможны устойчивые и упорядоченные взаимодействия людей, включенных в рискованные ситуации, возможность совместного преодоления негаций, обусловленных участием в рискованных ситуациях.

Социальное знание в обществе риска проявляет себя как на уровне теоретических моделей и конструкций, так и на уровне экспертизы и эксперимента. Выступая как механизм регулирования, социальное знание включает рациональность как принцип социальных отношений, который выражается в артикулировании духовных ценностей и способности принимать решения, осуществлять выбор в соответствии с позитивными приоритетами. Тем самым социальное знание активизирует роль социального субъекта в пространстве рискованных ситуаций. Особым разделом социального знания выступает информация об исторических условиях риска, применение его характеристик в связи с трансформацией основных социальных сфер и, прежде всего, производством и потреблением, коммерциализацией повседневной жизни (бытия) в целом. Социальное знание аккумулирует в себе представления о тех изменениях, которые происходят в современном информационном обществе, влияющие на увеличение степени риска: модернизацию, универсализацию, индустриализацию и институализацию.

Литература:

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. – М. : Прогресс – Традиция, 2000. – 383 с.
2. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 161–168.
3. Бернстайн П. Против богов: Укрощение риска / П. Бернстайн ; пер. с англ. – М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2000. – 400 с.
4. Бехман Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 27–47.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
6. Гришаев В. В. Риск и общество (дискуссия о понятии риска и библиография) [Электронный ресурс] / В. Гришаев. – Федеральный образовательный портал: Экономика: Социология: Менеджмент. – Социологический форум 2002 г. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/30007.html>. – Загл. с экрана.
7. Интервью с профессором Ульрихом Беком // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003, т. VI. – № 1. – С. 5–23.
8. Приятельчук А. О. Соціально-філософський конструкт суспільства ризику / А. О. Приятельчук, О. М. Іщенко // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Серія : Філософія. Політологія. – 07/2011. – Вип. 104. – С. 23–27.

9. Про схвалення Концепції управління ризиками виникнення надзвичайних ситуацій техногенного та природного характеру [Електронний ресурс] : Розпорядження КМУ № 37-р від 22 січня 2014 г. – Верховна Рада України 1994–2014. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/37-2014-%D1%80> – Назва з екрану.

10. Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика / В. А. Владимиров, Ю. Л. Воробьев, Г. Г. Малинецкий и др. – М. : Наука, 2000. – 432 с.

11. *Хлобистов Є. В.* Екологічна безпека у складі національної безпеки держави / *Є. В. Хлобистов* // Стратегічна панорама. – 2004. – № 1.